

Лань Янь слушала в полном недоумении:

— Даже если боевые навыки Пань Цзиньхуа возрастут в десять раз, ему все равно не сравниться с владыкой дворца. Тот, кто стоит за этим, совсем лишился рассудка? Неужели он всерьез надеется убить кого-то с помощью этой жалкой марионетки?

Ли Суй произнес:

— Выходи и слушай.

Лань Янь не сразу поняла:

— А?

Дверь с тихим скрипом приоткрылась, явив половину фигуры Второго молодого господина Чжу, который всегда отличался безупречными манерами. Он тут же поспешил объяснить: мол, я вовсе не подслушивал, просто вы разговариваете слишком громко, да и спать мне не хочется.

Ли Суй усмехнулся:

— И что ты думаешь по поводу случившегося?

Чжу Яньинь ответил:

— Возможно, кукловод затеял все это не ради того, чтобы Пань Цзиньхуа убил тебя, а чтобы ты сам лишился жизни Пань Цзиньхуа.

Схватка той ночью была смертельно опасной, и только благодаря тому, что Ли Суй сдерживался и щадил жизнь Пань Цзиньхуа, тот остался цел и невредим. А что, если бы он не проявил милосердия? В конце концов, зная леденящую кровь ауру Владыки дворца Ли, от которой за версту веет угрозой «вырежу всю твою семью», и его прохладное отношение к Пань Шихоу, большинство людей сразу бы решили: даже если Ли Суй и согласится спасти Пань Цзиньхуа, он просто оглушит его одним ударом и притащит обратно. Никто бы и подумать не мог, что у него хватит терпения оберегать парня.

Цзян Шэнлинь заметил:

— Если бы ты действительно убил Пань Цзиньхуа, то нажил бы врага в лице всего Зала Тяньчжу. — Хотя они и так рассорились, но это произошло лишь потому, что Пань Шихоу лишился рассудка. Это вышло случайно и не входило в изначальный план заговорщиков.

— Потратить столько сил ради того, чтобы рассорить владыку дворца с Пань Шихоу? — Лань Янь нахмурилась. — Зачем сдался этот старик? Зал Тяньчжу — не такая уж крупная секта.

— Давайте сначала присмотрим за Пань Шихоу, — предложил Чжу Яньинь. — Если его хотят использовать, то заговорщики непременно предпримут следующий шаг.

Ли Суй кивнул:

— Хорошо.

— Ну, я пойду поем, — Цзян Шэнлинь поднялся и, позевывая, направился к выходу.

Лань Янь пошла следом, чтобы помочь. У самых ворот она оглянулась назад и увидела, что ее

владыка дворца и Сяо Инь смотрят друг на друга и улыбаются — да так нежно и проникновенно, что у нее по спине мгновенно пробежал ледяной пот. Что за дела?!

— Божественный целитель Цзян, о мудрый лекарь, вы все еще считаете, что это нормально?

— Разумеется. С чего ты взяла, что улыбаться — это ненормально?

— Потому что наш владыка дворца обычно не улыбается.

— Кто тебе такое сказал? Попробуй в следующий раз упомянуть при нем Лу Цина.

«...»

На самом деле Второй молодой господин Чжу подумывал снова предложить Владыке дворца Ли лечь спать в одной комнате. Он даже приготовил изысканное стихотворение, чтобы пробормотать его во сне, но в то же время боялся, что его сон снова окажется слишком беспокойным. В последнее время он действительно сильно уставал, а притворяться спящим всю долгую ночь — задача не из легких. Пожалуй, лучше выбрать для этого другое время, когда ночь будет покороче.

— Возвращаясь к себе и ложись спать пораньше.

— Хорошо.

Прощание вышло долгим и трогательным, полным невысказанных чувств.

Казалось, они провожали друг друга до соседней двери так, словно расставались навсегда на дальней почтовой станции.

...

Пань Шихоу безвыездно просидел в своей комнате три дня и лишь на четвертый день после полудня нетвердой походкой вышел наружу. Чжу Яньинь, который как раз прогуливался по двору, столкнулся с ним лицом к лицу и едва не лишился чувств от страха, решив, что перед ним призрак. Раньше он читал в романах о лицах, потемневших от злого рока, но только теперь воочию увидел, что значит по-настоящему черное лицо.

Чжу Сяосуй тут же оттащил своего молодого господина в сторону и прошептал:

— Уж не одержим ли он злыми духами?

Чжу Яньинь проводил взглядом Пань Шихоу, пока тот не зашел во двор Дворца Ваньжэнь.

— Идем!

Чжу Сяосуй ничего не понял: куда это они собрались?

Чжу Яньинь подхватил со стола тарелку с дыней и с самым невинным видом постучал в дверь:

— Нам тут прислали свежих медовых дынь из Западного края, не хотите попробовать? О, глава школы Пань тоже здесь? Вот и отлично, разделим на всех.

Ли Суй молча посмотрел на него.

Чжу Яньинь всем своим видом выражал: «Мне так любопытно и я так за тебя волнуюсь, что не удержался и пришел. Если считаешь, что это неуместно, я оставлю дыню и уйду прямо сейчас, но ты потом обязательно расскажешь мне, о чем вы говорили».

Ли Суй отступил в сторону:

— Заходи.

Чжу Яньинь мысленно возликовал: «Отлично-отлично!»

Он пододвинул себе стул, сел с безупречно ровной спиной и принялся кушать дыню.

На лице Пань Шихоу промелькнуло недовольство.

Однако Ли Суй и не подумал выпроваживать Чжу Яньиня. Обратившись к гостю, он спросил:

— Ты пришел ко мне по делу?

— Да, дело касается Цзиньхуа, ты уже наверняка слышал, — хриплым голосом произнес Пань Шихоу. — В тот день я преградил дорогу Божественному целителю Цзяну лишь от сильной тревоги, не принимай это близко к сердцу.

Ли Суй ответил:

— Хорошо.

Пань Шихоу поднялся и понуро произнес:

— Тогда я пойду.

Чжу Яньинь удивленно захлопал глазами. И это все? Он уже уходит?

Ли Суй открыл дверь и проводил взглядом Пань Шихоу. Обернувшись, он увидел Чжу Яньиня, который сидел в крайнем недоумении, держа в руке недоеденный кусочек дыни.

— Что, дыня невкусная?

— И это все, что он пришел сказать? — Чжу Яньинь отложил серебряную вилочку и с изумлением добавил: — Раз уж явился, мог бы для приличия хоть поинтересоваться твоей раной от укуса.

— И что с ним делать? Хочешь, я позову его обратно и велю разыграть перед тобой сцену глубокой родственной привязанности?

Чжу Яньинь подумал: «...В этом нет необходимости».

— Он выглядит так, словно одной ногой уже в могиле. Навряд ли он способен здраво рассуждать, — Ли Суй перехватил его серебряную вилочку и съел оставшийся кусочек дыни. — Раз тебе по душе это лакомство, я и впредь буду присылать его тебе из Цзиньчэн.

Приятные речи всегда приносят куда больше радости, чем утомительные заботы. Чжу Яньинь тут же позабыл о Пань Шихоу. Они вдвоем, кусочек за кусочком, быстро расправились с целой тарелкой дыни, создав вокруг себя на редкость нежную и уютную атмосферу. Наевшись и напившись, Чжу Яньинь вытер сладкий сок с губ и неспешным шагом отправился к своему

двоюродному брату:

— Когда ты планируешь отправиться обратно в Цзяннань?

— Завтра, — Чжу Синьсинь как раз рассматривал свитки с каллиграфией и живописью, купленные по дороге. — Ты действительно не поедешь со мной?

— Нет, не поеду, — Чжу Яньинь сделал вид, что тоже увлечен разглядыванием картин, постоял рядом, а затем как бы невзначай обронил: мол, позже я привезу Владыку дворца Ли с собой в Лючэн.

Чжу Синьсинь совершенно не понимал: к чему это? Разве есть такая необходимость?

Чжу Яньинь сильно толкнул его локтем в бок:

— Мой дом — не твой дом!

Чжу Синьсинь лишь подумал: «...Ладно, ты явно не в себе, не буду с тобой спорить».

Чжу Яньинь продолжил:

— Когда вернешься, как планируешь представить Владыку дворца Ли моему отцу, старшему брату и остальным дядьям?

Чжу Синьсинь изумился еще сильнее: с какой стати ему представлять Владыку дворца Ли всей семье, если они едва обмолвились парой слов за все время?

Чжу Яньинь крепко схватил брата за плечи и с жаром произнес:

— Ты ведь впервые побывал в Цзянху, неужели не хочешь хоть немного похвастаться?

— Вообще-то нет, не планировал.

Выражение лица Чжу Яньиня мгновенно стало угрожающим, и он изо всех сил сжал его плечи.

Благородный молодой господин из Цзяннани вздрогнул от боли:

— ...Ну, конечно, можно и упомянуть вскользь, только руку отпусти!

— Я уже все для тебя подготовил.

Чжу Синьсинь не понял: что еще он для него подготовил?

Чжу Яньинь достал из-за пазухи огромный лист бумаги. Он был настолько велик, что не поместился бы ни на одном столе.

Весь лист был убористым почерком исписан до самого края.

Чжу Синьсинь почувствовал, будто ослеп на месте от обилия текста.

По его велению слуги зажгли свечи. Под грозным напором своего набравшегося грубых манер в Цзянху двоюродного брата он принялся бегло пробегать глазами строчки.

«Владыка дворца Ли обладает благородством высоты безмерной, богат без счёта, владеет непревзойденными боевыми искусствами, чист душой и помыслами, жертвует средства на

школы, никогда не присваивает чужого...» Под каждым пунктом подробно расписывались конкретные случаи с точным указанием года, месяца, дня, участников и места событий, дабы никто не усомнился в их правдивости.

Чжу Синьсинь высказал свое мнение:

— По-моему, выглядит чересчур надуманно. Может, перепишешь?

Чжу Яньинь безапелляционно отрезал:

— Расскажешь слово в слово, как здесь написано.

Чжу Синьсинь сложил лист:

— Рассказать-то я могу, но ты должен объяснить мне, зачем все это?

Чжу Яньинь приложил ладонь ко лбу, напустив на себя страдальческий вид, и со вздохом произнес:

— Эх, я вдали от дома уже несколько месяцев, родители и брат наверняка извелись от тревоги. Пусть они поскорее узнают, насколько Владыка дворца Ли благороден, надежен и добропорядочен. Так они будут меньше за меня беспокоиться.

— Пусть все это и выглядит слишком притворно, но ладно уж, я передам им твои слова, — согласился Чжу Синьсинь.

Чжу Яньинь втайне ликовал от восторга, но внешне лишь спокойно кивнул:

— Угу.

Затем он пообещал:

— Если расскажешь все в точности по моему письму, я подарю тебе несколько отличных картин.

Чжу Синьсинь скептически фыркнул:

— И откуда у тебя возьмутся хорошие свитки? Все ценные картины хранятся у твоего старшего брата.

Чжу Яньинь с небывалой щедростью заявил:

— Я отберу их для тебя!

Чжу Синьсинь принял вид умудренного опытом старшего брата и мягко наставил его:

— Как может образованный человек употреблять слово «отобрать»?

— Так тебе нужны картины или нет?

— Нужны.

По рукам!

На следующее утро Чжу Яньинь лично проводил Чжу Синьсиня за городские ворота. Огромный

караван белоснежных повозок растянулся по горной дороге; издали он казался легким облачным кольцом и выглядел неописуемо величественно, словно сошедший с небес.

Местные жители, завидев это зрелище, невольно вздыхали: «Какая богатая семья! Интересно, о чем они беседуют в пути? Наверняка о вещах, далеких от забот о хлебе насущном. Скорее всего, слагают стихи и пьют вино, да непременно самое изысканное, ценой в тысячу золотых за чарку».

Чжу Яньинь спросил:

— Ты всё запомнил?

<http://bllate.org/book/18290/1754156>